

«НЕЙРОПРОСТРАНСТВО» И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ¹

NEUROSPACE AND HUMAN RIGHTS: DISCUSSION ASPECTS²

*Нет ни ворот, ни замка, ни засова, которые могли бы
поставить преграду свободе моего разума.*

В. Вулф (1929)

Дарья Дмитриевна ШТОДИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация,
dashastodina96@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4730-9614

Информация об авторе

Д.Д. Штодина — кандидат юридических наук, научный сотрудник департамента международного права факультета права НИУ ВШЭ

Аннотация. В последнее время на универсальном и региональном международно-правовом уровнях обсуждается возможность рассмотрения «нейроправ» в контексте прав и свобод человека. Организация Объединенных Наций включила «нейроправа» в повестку XXI в. Научная дискуссия связана прежде всего с необходимостью разработки источника международного права по «нейроправам», а также с неизбежной «реконцептуализацией» прав человека и источников международного права применительно к «нейротехнологиям». Так, фонд NeuroRights в 2022 г. представил доклад «Пробелы в международной защите прав человека в эпоху нейротехнологий» (*International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology*), в котором рассматриваются международно-правовые лакуны

- в действующих документах ООН по правам человека
- в связи с появлением «нейроправ». Ряд технологически развитых государств, например Китай и США, активно используют возможности нейротехнологий, однако
- в отсутствие норм международного права, носящих характер «hard law» или актов «soft law», соблюдение и гарантирование защиты «нейроправ» человека оказались под угрозой. Использование современных технологий в данном контексте неизбежно приводит к необходимости проведения исследования в этическом
- и правовом аспектах, поскольку «нейроправа» затрагивают «субъективность лица», т.е. его ментальную составляющую, на которую может быть оказано влияние. Предполагается, что особая роль в определении между-
- народно-правового режима «нейроправ» принадлежит Организации Объединенных Наций и Организации
- Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Важный шаг на пути к решению существующих проблем в «нейропространстве»
- был предпринят ЮНЕСКО в апреле 2024 г., когда был создан Рабочий документ по подготовке проекта Рекомендации по этике нейротехнологий (*Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology*).

Ключевые слова: «нейроправа», «нейропространство», нейротехнологии, реконцептуализация прав человека, инфляция прав человека, кибернетическое пространство, международно-правовой режим

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Правовые механизмы преодоления неравенства» в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

² The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of economics (HSE University) in 2024.

Для цитирования: Штодина Д.Д. «Нейропространство» и права человека: дискуссионные аспекты // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 66–79; DOI: 10.17323/fis.2024.23973

Daria Dmitrievna SHTODINA

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation, dashashtodina96@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4730-9614

Information about the author

D.D. Shtodina — research associate, Department of International Law of the Faculty of Law, HSE University, Candidate of Legal Sciences

Abstract. Recently at the universal and regional international legal levels the possibility of considering “neurorights” in the context of human rights and freedoms has been discussed. The United Nations has put “neurorights” on the agenda of the XXI century. The scientific discussion is connected, first of all, with the need to develop a source of international law on “neurorights”, as well as with the inevitable reconceptualization of human rights and sources of international law in relation to neurotechnologies. Thus, the NeuroRights Foundation in 2022 presented a report “International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology” (“International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology”), which examines international legal gaps in existing UN human rights instruments in connection with the emergence of “neurorights”. A number of technologically advanced states, such as China and the United States, are actively utilizing the possibilities of “neurotechnology”, but in the absence of international law norms of a “hard law” or “soft law” nature, the observance and guarantee of the protection of human “neural rights” have been jeopardized. The use of modern technologies in this context inevitably leads to the need for research in ethical and legal aspects, since “neurorights” affect the “subjectivity of the person”, i.e. the mental component, which can be influenced. It is suggested that the United Nations and UNESCO have a special role to play in defining the international legal regime of “neurorights”. An important step towards solving the existing problems in “neurospace” was taken by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization in April 2024, when a Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of “neurotechnology” (“Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology”) was prepared.

Keywords: “neurorights”, “neurotechnology”, “neurospace”, reconceptualization of human rights, “inflation” of human rights, cyberspace, international legal regime

For citation: Shtodina D.D. “Neurospace” and human rights: discussion aspects // Trudi po intellektualnoy sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4). P. 66–79; DOI: 10.17323/tis.2024.23973

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти к анализу новой категории прав человека — «нейроправам» (*neurorights*), следует рассмотреть правовой режим применения нейротехнологий (*neurotechnologies*) в международном аспекте. Так, в исследовании «Пробелы в международной защите прав человека в эпоху нейротехнологий» (“*International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology*”), опубликованном фондом «Нейрорайтс» (*NeuroRights Foundation*) в 2022 г. [36], были впервые рассмотрены правовые лакуны в такой отрасли международного права, как защита и поощрение прав человека применительно именно к нейротехнологиям.

Нейротехнологии определяются как методы прямой регистрации (*записи*) и изменения деятельности человеческого мозга [43, с. 2]. Очевидно, что существует огромный потенциал их использования государствами и другими субъектами международного права, а также юридическими и физическими лицами. Вместе с тем увеличивается и риск злоупотребления правом на исследование человеческого мозга посредством, например, внедрения вредоносных программ, чипов и иных технологических приспособлений «напрямую» или «косвенно» в мозг человека.

До сих пор не был разработан и принят источник «твёрдого права» (“*hard law*”), который мог бы устранить имеющиеся проблемы правоприменения [36]. К источникам «мягкого права» (“*soft law*”), которые условно регулируют «нейроправа», сегодня можно отнести следующие:

- Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) по ответственным инновациям в области нейротехнологий (*OECD Recommendations on Responsible Innovation in Neurotechnology*) [40];
- Декларацию Межамериканского юридического комитета по нейронауке, нейротехнологиям и правам человека (*Declaration of the Inter-American Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies, and Human Rights*) [17];
- Глобальные принципы национальной безопасности и права на информацию, известные как Тшванские принципы (*Tshwane Principles on National Security and the Right to Information* [44]);

- Руководящие принципы нейроэтики Национальных институтов здравоохранения (NIH) для инициативы BRAIN США, принятые в 2018 г. (*NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative*) [39];
- Рамки нейроэтики IEEE (*Neuroethics Framework, Institute of Electrical and Electronics Engineer* [26]) и другие источники.

В данных документах, однако, не рассматриваются напрямую проблемы применимости норм о правах человека в контексте нейротехнологий. Поэтому разработка подобного источника признается одной из основных задач Организации Объединенных Наций (далее — ООН) и внесена в повестку этой универсальной международной организации.

Очевидно, что исследование подобных технологий весьма перспективно, поэтому масштабы инвестирования в них сегодня исчисляются миллиардами долларов США. Например, с 2013 г. в Соединенных Штатах Америки действует инициатива BRAIN (полное наименование — *The Brain Research Through Advancing Innovative Neurotechnologies*), в которой участвуют три правительственных агентства — Национальный институт здоровья (NIH, *National Institute of Health*), Национальный научный фонд (*National Science Foundation*) и Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов DARPA (*Defense Advanced Research Projects Agency*) [36].

В 2016 г. в Китае был запущен национальный вариант американской инициативы BRAIN [37], на реализацию которого выделено финансирование в размере 1 млрд долларов США до 2030 г. В 2020 г. мировой рынок нейротехнологий оценивался в 10,7 млрд долларов США и, как ожидается, достигнет 21 млрд долларов к 2026 г. [24].

Особая роль в изучении «нейроправ» человека принадлежит фонду *NeuroRights*, который подготовил доклад о международной защите прав человека в 2022 г. (*International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology*). На официальном сайте фонда обозначена основная задача его функционирования: «Мы привлекаем Организацию Объединенных Наций, региональные организации, правительства стран, компании, предпринимателей, инвесторов, ученых и широкую общественность, чтобы повысить осведомленность о правах человека и этических последствиях использования нейротехнологий» [36].

Можно обозначить те новые права человека, т.е. «нейроправа», которые были выделены фондом *NeuroRights* в качестве основных:

- 1) право на психическую идентичность, или чувство собственного достоинства (*the right to mental identity, or a sense of self*);

- 2) право на психическое управление (свободу воли) (*the right to mental agency, or free will*);
- 3) право на психическую конфиденциальность (*the right to mental privacy*);
- 4) право на справедливый доступ к психической аугментации (*the right to fair access to mental augmentation*);
- 5) право на защиту от алгоритмической предвзятости (*protection from algorithmic bias*).

В отчете фонда *NeuroRight* приведен также перечень имеющихся пробелов в договорном механизме ООН по защите прав человека. Так, одним из самых плохо защищенных прав является право на психическую идентичность, поскольку в источниках ООН по правам человека не раскрывается значение данного термина [36].

«НЕЙРОПРАВА»: ЭТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Знаковым событием в истории развития представлений о «нейроправах» следует считать учреждение в 2006 г. Международного общества нейроэтики (*International Neuroethics Society*), созданного по итогам проведения встречи в конференц-центре *Asilomar* в США [29].

В истории развития нейронауки можно выделить период 1990–2000-х годов и последующий период.

Так, в самом начале развития специалисты по нейроэтике и «нейроправу» сосредоточились на изучении следующих четырех аспектов:

- 1) этическая и правовая возможности применения ноотропиков для улучшения когнитивных способностей человека;
- 2) философско-правовая проблема применения свободы воли (*free will*) в нейронауке, а также вопросы моральной и правовой ответственности в случае подавления воли лица;
- 3) философско-правовые проблемы «нейровизуализации» (*“neuroimaging”*), которая фактически позволяет «читать мысли» другого человека;
- 4) юридические последствия использования в суде доказательств, полученных с помощью нейротехнологий [28, с. 2].

Как следует из данной классификации, права человека («нейроправа») в самом начале не выступали в качестве объекта исследования напрямую, однако постепенно сложилось представление о необходимости защищать данные права и когнитивные свободы.

Фактически нейроэтика стала развиваться ранее, чем «нейроправа». В современном понимании термин «нейроправа» был впервые использован в трудах М. Йенка и Р. Адорно в 2017 г. [28]. Авторы ис-

следования представили взаимосвязь прав человека с нейротехнологиями в целом. Так, в их работе «нейроправа» анализируются в контексте действующих документов по правам человека, например в контексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. и Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой ЮНЕСКО в 2005 г. [3].

В последнее время не только в специализированных исследованиях по психологии и медицине, но и в исследованиях по международному праву активно обсуждается вопрос о влиянии нейронауки на права человека с позиции прав, свобод, обязанностей и многих других взаимосвязанных вопросов. По сути, «нейроправа» анализируются уже не только с этической, но и с правовой позиции. В таком случае возникает вопрос: как можно корректно определить термины «нейроправа» (“*neurorights*”) и «нейропространство» (“*neurospace*”) применительно к науке международного права?

Согласно мнению А.А. Данельяна и Е.Е. Гуляевой, все исследования по «нейроправам», нейротехнологиям в целом применительно к международному праву должны проходить на «междисциплинарном стыке», поскольку «сегодня мы являемся свидетелями динамично развивающейся междисциплинарной области, именуемой кибербезопасностью, которая сочетает в себе кибербезопасность, биозащиту и киберфизическую безопасность в отношении биологических систем» [9].

Дискуссию об определении термина «нейропространство» можно сравнить с обсуждением международно-правового режима кибернетического пространства в науке международного права. Известно, что единого определения термина «киберпространство», как и определения термина «нейропространство», в международном праве не существует. В то же время термин «нейропространство» можно условно определить как пространство, напрямую связанное с человеческим мозгом и контролируемое им. Иными словами, «нейропространство» напрямую связано с использованием в нем нейротехнологий.

К. Бублиц приводит следующее определение таких технологий: «Они напрямую взаимодействуют с нервной системой человека (или ЦНС, центральной нервной системой)» (“...*their defining characteristic is that they directly interact with the human nervous system*”). Нейротехнологии можно определить в том числе как «...устройства и процедуры, используемые для доступа, мониторинга, исследования, оценки, манипулирования и (или) имитации структуры и функции нейронных систем физических лиц» (“*devices and procedures used to access, monitor, investigate, access,*

manipulate, and/or emulate the structure and function of the neural systems of natural persons”) [13, с. 784].

Как правило, такие технологии направлены на расширение возможностей человеческого мозга посредством «нейроинтервенций» (“*neurointerventions*”) [20]. Под «нейроинтервенцией» подразумевается некоторое «вмешательство» в мозг человека.

В научный оборот термин «нейроправа» был внесен членами Морнингсайдской группы (*The Morningside group*), состоявшей из 25 выдающихся нейробиологов, нейротехнологов, инженеров искусственного интеллекта из таких крупнейших компаний, как Google и Kernel, а также включавшей в себя ученых из США, Канады, Израиля, Китая, Японии и Австралии [36].

Некоторые авторы (в частности, М. Йенка) придерживаются следующего подхода относительно определения «нейроправ»: «“Нейроправа” — это этические, правовые, социальные и естественные принципы свободы человека; или правомочия, действующие применительно к человеческому головному (черепно-мозговому) и ментальному пространствам» (“*Neurorights can be defined as the ethical, legal, social, or natural principles of freedom or entitlement related to a person’s cerebral or mental domain...*”) [28, с. 1]. Х.М. Муньос и Х.А. Маринаро предлагают иное определение «нейроправ»: «Это такие права человека, которые специальным образом направлены на защиту основных, фундаментальных свобод, в отношении которых существует потенциальный риск их нарушения ввиду недобросовестного использования нейротехнологий» (“...*human rights specifically designed to protect fundamental freedoms potentially at risk due to malicious or abusive uses of neurotechnology*”) [34, с. 2].

Исходя из приведенных выше определений, можно предположить, что сам термин «нейротехнология» выступает как «зонтичный термин» и обозначает широкий и гетерогенный спектр методов и систем, посредством которых устанавливается прямая взаимосвязь с человеческим мозгом через активность нейронов, деятельность которых может быть зафиксирована в головном мозге или (и) на которые может быть оказано влияние посредством применения таких технологий [27, с. 1].

При разработке и использовании нейротехнологий в научном сообществе первоначальным был вопрос о так называемой этической составляющей, в то время как решение вопроса о правовом регулировании было отложено. Постепенно в науке сформировались две дисциплины: «нейроэтика» и «нейроправа». Если в нейроэтике к ключевому аспекту изучения относилось рассмотрение вопроса о «нежелательном или вызывающим беспокойство использовании че-

ловческого мозга», то для «нейроправа» приоритетным было решение вопроса о взаимодействии нейропсихологов и юристов в системе правосудия (например, при использовании полиграфа) [28].

Постепенно стало очевидно, что нейротехнологии могут быть использованы не только в уголовном праве, но и в других отраслях внутреннего и международного права.

«НЕЙРОПРАВА» — НОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

Первостепенным вопросом для правового сообщества является возможность рассмотрения «нейроправ» именно как новой категории прав человека, поскольку существует риск так называемой инфляции прав человека за счет необоснованного расширения перечня его прав [34, с. 2].

П. Алстон [12] в 1984 г. предложил использовать перечень правовых критериев, которым должно соответствовать «нормативное требование» (“*normative claim*”) для признания его в качестве «нового права человека»:

- 1) отражение фундаментально важной социальной ценности;
- 2) наличие последовательности, но не повторение существующего свода международного права о правах человека;
- 3) способность достичь очень высокой степени международного консенсуса;
- 4) точность формулировок для возникновения прав и обязательств [12].

Применительно к объекту настоящего исследования («нейроправам») данный перечень может быть дополнен рядом критериев:

- 1) права человека должны реализовываться в строгом соответствии с нормами международного права, закрепленными в Уставе ООН, нормами обычного права, общепризнанными принципами и нормами международного права;
- 2) права человека должны соответствовать иным нормам отрасли международного права, защиты и поощрения прав человека;
- 3) принятие данных норм не должно противоречить практике государств.

Следуя критериям П. Алстона, Дж. Никель предложил дополнить перечень критериев, которым должно соответствовать «новое право человека». Так, право человека должно: 1) касаться важного блага; 2) быть следствием реакции на общую и серьезную угрозу этому благу; 3) налагать на «адресатов прав» определенное бремя, которое должно быть соразмерным и оправданным; 4) быть осуществимым в большинстве стран [12].

Основная проблема при решении вопроса о рассмотрении «нейроправ» состоит в том, что, с одной стороны, такие права не обязательно изучать *de novo* (заново), т.е. многие «нейроправа» основываются на существующих поколениях прав человека. С другой стороны, для правильного понимания особенностей «нейроправ» все же потребуются «реконцептуализация» (“*reconceptualization*”) действующих прав и свобод человека, например свободы мысли, неприкосновенности частной жизни, недискриминации [34]. Отдельные примеры будут рассмотрены далее.

Если согласиться с упрощенным определением термина «инфляция прав человека» как с *тенденцией увеличивать права человека, защищаемые нормами международного права*, то следует обозначить ее влияние на международное право. М. Йенка в исследовании 2021 г. пришел к выводу о наличии реальной угрозы международному праву в случае неоправданного стремления международного сообщества «обозначать все то, что является морально желательным как право человека» [28]. Данная тенденция фактически позволяет «выхолащивать» основную идею прав человека и отвлекает внимание от защиты его фундаментальных прав, т.е. переносит субъектов международного права в некий идеальный мир, в котором все права человека могут быть защищены. По мнению Д. Тасиоуас, следует воспринимать данную формулировку не как обеспокоенность международного сообщества наличием огромного количества прав человека, а скорее, как необоснованное стирание границ между моралью и правом, т.е. между тем, что должно регулироваться первым (моралью) и вторым (правом) понятиями [43].

Реконцептуализация «нейроправ» — это процесс, который уже начался в ряде международных организаций и государств. Х.М. Муньос и Х.А. Маринаро в статье “*Neurorights as reconceptualized human rights*” рассматривают данное правовое явление в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной [34]. Так, в вертикальной плоскости речь идет об обязательствах государства в сфере защиты прав человека по отношению к индивиду, т.е. физическому лицу; в горизонтальной плоскости, напротив, — об обязательствах, возникающих в сфере защиты прав человека в отношениях между физическими и юридическими лицами. Несмотря на то что первый подход (рассмотрение прав человека в вертикальной плоскости) считается классическим в международном праве, в последнее время ряд авторов высказываются в пользу применения горизонтального подхода, который позволит крупнейшим производителям нейротехнологий напрямую влиять на «нейроправа» физических лиц. Подобная практика внедрения горизонтального

подхода уже существует в Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций. Например, в 2003 г. был разработан подход, согласно которому частные акторы (компании) наделяются правами и обязанностями для реализации по отношению к обществу в целом и к отдельным индивидам в частности [28].

Поскольку следует избегать «инфляции прав человека», для развития «нейроправа» в международно-правом аспекте следует прибегнуть к реконцептуализации, т.е. пересмотру действующих норм по правам человека. В науке международного права (Дж.М. Голден) предлагается использовать следующие критерии, на основании которых «пересмотр» существующих прав человека был бы теоретически невозможен: 1) противоречие новых норм (в данном случае — «нейроправ») существующим нормам международного права; 2) избыточность новых норм; 3) неэффективность разработки новых норм; 4) отсутствие правовых пробелов [23].

Рассмотрим каждый критерий в отдельности. Во-первых, нормы о «нейроправах» не противостоят существующим нормам международного права. Так, «нейроправо» на защиту психической идентичности (*“mental integrity”*) связано с правом на частную жизнь. Во-вторых, нормы о «нейроправах» не могут быть избыточными, поскольку сама форма нарушения подобного права существенным образом отличается от всех иных форм нарушения. Например, для классических норм о правах человека не характерно такое нарушение, как злонамеренное использование нейронных имплантов (*“malicious use of neural implants”*), или «взлома мозга» (*“brain hacking”*). В-третьих, в современном международном праве пока не разработан документ (конвенция или декларация), направленный на всеобъемлющее регулирование «нейроправ», что говорит о крайней актуальности реконцептуализации норм. В-четвертых, доказательства существующих правовых пробелов были приведены в докладе организации *Neurorights Foundation* в 2022 г. На основании изложенного выше можно предположить, что «нейроправа» должны быть реконцептуализированы в целях защиты прав человека в век нейротехнологий.

В таком случае возникает вопрос: как определить новые права человека, связанные с использованием нейротехнологий? М. Йенка и Р. Адорно предложили ввести четыре категории «нейроправ»: 1) право на когнитивную свободу (*“the right to cognitive liberty”*); 2) право на психическую конфиденциальность (*“the right to mental privacy”*); 3) право на психическую неприкосновенность (*“the right to mental integrity”*); 4) право на психологическую преемственность (*“the right to psychological continuity”*).

Поскольку ранее в тексте статьи было обозначено, что «нейроправа» могут и должны быть связаны с другими правами человека, следует отдельно обозначить концептуальную основу таких «нейроправ». Так, все «нейроправа» основываются на свободе мысли и совести (*“freedom of thought and conscience”*), а также на праве на неприкосновенность частной жизни (*“privacy”*) и на праве на психическую неприкосновенность (*“right to psychological integrity”*).

В документах ООН и региональных международных организаций (например, в Организации американских государств (далее — ОАГ), Совета Европы и т.д.) право на «физическую целостность» лица связано с охраной его частной жизни и «физической неприкосновенности», а право на психическую неприкосновенность связано с охраной его «внутреннего состояния» [26]. Право на неприкосновенность лица (*“physical and mental integrity”*) также двойственно: с одной стороны, речь идет о физической, телесной оболочке человека; с другой стороны, о его душевных страданиях, вызванных нарушением его прав.

На универсальном уровне в ряде документов содержатся ссылки на физическую неприкосновенность лица (*“physical integrity”*). Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. в п. 1 ст. 9 указано следующее: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей...» [6]. В Конвенции о правах инвалидов 2006 г. в ст. 17 также дается ссылка на «...право на уважение... *физической и психической целостности* наравне с другими» [5]. Таким образом, физическая неприкосновенность — это не только гарантированное право лица на защиту от телесных повреждений, но и «широкий спектр менее серьезных воздействий на тело человека» (т.е. психологическое воздействие) [20]. В практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) к психологическим воздействиям относят, например, взятие буккальных мазков или насильственное освидетельствование [21].

Как в таком случае следует рассматривать использование нейротехнологий, которые могут иметь как максимальное (физическое), так и минимальное (психологическое) воздействие на человека? К. Бублиц предлагает обращать внимание на влияние таких технологий на «психологическую целостность» лица и на дальнейшие ментальные последствия использования таких технологий [14].

«Психологическая целостность» (*“mental integrity”*) упоминается в ст. 3 Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г.: «Каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую

целостность» [7]. «Психическую целостность» как право человека можно соотнести с правом на психологическое здоровье и с правом человека на достойное обращение (например, согласно ст. 5 Американской конвенции по правам человека 1969 г., «...никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство наказанию или обращению» [1]). М. Йенка и Р. Адорно предлагают расширить правовую составляющую термина «психологическая целостность» с учетом влияния нейротехнологий и их вмешательства, например, в систему «нейронных вычислений» (“*neural computation*”) в мозге человека.

Таким образом, под правом на «психологическую целостность лица» понимается его защита от насильственного вмешательства в эмоциональную составляющую. Межамериканский суд по правам человека (*Inter-American Court of Human Rights*, далее — *IACtHR*) выработал следующее определение: «...посягательство на психическое здоровье лица и причинение душевных страданий и мук, в том числе лицам, являющимся ближайшими родственниками жертв, а также действия государства (насильственное исчезновение), сопровождающиеся причинением эмоционального вреда» [25].

Свобода мысли и совести также анализируются в контексте реконцептуализации прав человека применительно к «нейроправам». К. Бублиц в исследовании “*Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person*” доказывает, что раньше представлений о физической и психологической неприкосновенности лица появилось представление о правовом содержании свободы мысли и совести [13]. В классическом понимании данная «свобода» появилась во времена правления бывшего императора империи Маурьев — Ашоки, издававшего эдикты, в которых закреплялось право каждого лица на «свободу сознания» (“*freedom of conscience*”) [32].

Спустя несколько столетий апостол Павел из Тарса в первом послании к Коринфянам указал на то, что «...степень чьей-либо свободы должна оцениваться совестью другого человека» [15]. В христианской философии понятие «свобода совести» часто связывается с термином “*liberum arbitrium*”, который в переводе на английский язык обозначается как “*free will*” (свобода воли). Один из представителей древнегреческих философов-стоиков — Эпиктет — исходил из того, что «...ничто не мешает нам делать или выбирать что-либо, в отношении чего мы осуществляем контроль» [32].

Свобода мысли позднее была закреплена во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в ст. 18:

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [2].

Комитет по правам человека ООН (далее — КПЧ ООН) подчеркнул, что «...сфера действия права на свободу мысли является далеко идущей и глубокой; она охватывает свободу мысли по всем вопросам» [46].

М. Йенка и Р. Адорно исходят из того, что когнитивная свобода защищает сферу мышления до самого факта проявления мысли через речь, письмо или поведение человека. Данная практика уже легла в основу решений Верховного Суда США (далее — ВС США), он придерживается точки зрения, согласно которой «человек должен быть свободен верить в то, во что он хочет», что предполагает защиту мысли человека, т.е. когнитивной свободы (решение ВС США в деле *Abood v. Detroit Board of Education*, 1977 г.) [10]. Суд предложил использовать следующее определение когнитивной свободы (*cognitive liberty*) — это «... фундаментальное право каждого человека на независимое мышление, на использование всего спектра своего разума и на автономию над своей химией мозга. Когнитивная свобода касается этики и законности защиты своих собственных мыслительных процессов и как следствие электрохимических состояний мозга».

Другие авторы (например, К. Бублиц) полагают, что вместо термина «когнитивная свобода» более уместно было бы использовать термин «ментальное самоопределение» (“*mental self-determination*”) или «ментальная свобода» (“*mental freedom*”) [13].

В контексте нейротехнологий «чтение мыслей» человека как явление уже перестало относиться к научной фантастике, что привело к многочисленным дискуссиям о существовании норм права, запрещающих «вторгаться» в мозг человека, нарушая тем самым право на физическую и психологическую неприкосновенность, а также право на свободу мысли. Следует обозначить, что любые осуществляемые без согласия лица «нейроинтервенции», которые оказывают влияние на ментальное состояние посредством, например, принудительного формирования представлений о чем-либо, нарушают свободу мысли. В этой связи может возникнуть спор относительно правомерности использования технологий, позволяющих контролировать ментальное здоровье лиц. Например, в Китае активно используются технологии анализа эмоционального состояния работников, в отношении которых существует риск их использования с нарушением норм трудового законодательства [37].

Право на неприкосновенность частной жизни (*privacy*) было впервые изучено с точки зрения права человека в статье “*The Right to Privacy*” С.Д. Уоррена и Л. Брандейса 1890 г., в которой авторы обозначили частную жизнь как «право быть оставленным в покое» (“*right to be left alone*”) [47]. Очевидная неоднозначность подобной формулировки была связана с растущим интересом СМИ того времени к разглашению данных о частной жизни граждан.

В современном международном праве определение «права на уважение частной и семейной жизни» содержится, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции» (ст. 8). Всеобщая декларация прав человека 1948 г. также содержит отсылку к запрету «...подвергаться произвольному вмешательству в личную и семейную жизнь...» (ст. 12).

Однако сегодня вмешательство в личную жизнь человека может производиться не только путем установления подслушивающих устройств или средств видео- и аудионаблюдения, но и посредством определения его психологического состояния, отслеживания сигналов, поступающих из головного мозга (так называемая методика *affective computing*) [49]. Нельзя не согласиться с мнением Дж.Б. Бьюри, который в работе «История свободы мысли» утверждал, что «человек не может быть лишен возможности думать то, что ему вздумается, до тех пор, пока он скрывает это», вместе с тем нейротехнологии позволяют вторгаться в мысли человека в целях передачи их третьим лицам или же исключительно для фиксации со стороны определенного актора [15].

Не менее дискуссионным аспектом является воздействие на человеческое достоинство (“*human dignity*”) на основе нейротехнологий. Речь идет не только о философском осмыслении концепции *cogito ergo sum*, но и о весьма практическом аспекте применения технологий так называемой глубокой стимуляции мозга (“*deep brain stimulation*”, далее — *DBS*), позволяющей управлять отдельными участками головного мозга. Впрочем, универсального ответа на вопрос, насколько использование подобных нейротехнологий правомерно, пока не существует.

СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «НЕЙРОПРАВ» НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ УРОВНЯХ

На национальном уровне ряд государств уже приняли попытки по регулированию использования

нейротехнологий. Так, в Чили в 2021 г. был одобрен законопроект о внесении в Основной закон страны поправки, предусматривающей защиту «нейроправ» человека [8]. В Конституцию было внесено положение о защите данных в мозге человека, а также о регулировании и обработке данных правительственными агентствами. Более того, в Чили был одобрен законопроект, согласно которому все технологические средства, созданные на основе нейротехнологий, приравниваются к медицинским изделиям и подлежат особому учету.

В Испании одобрена Хартия цифровых прав, которая была принята в рамках реализации проекта плана *España Digital 2025*. В рамках данной Хартии «нейроправа» рассматриваются как часть прав граждан в цифровую эпоху [22].

В 2021 г. итальянское Управление по защите данных посвятило День защиты частной жизни исследованию «нейроправ» с точки зрения защиты прежде всего частной жизни лица [35].

В Российской Федерации также были разработаны предложения по «освоению нейротехнологий». В 2021 г. президент В.В. Путин дал Минобрнауки России поручение, на основании которого была подготовлена новая федеральная программа «Мозг, здоровье, интеллект, инновации» на 2021–2029 гг. В рамках этой программы «планируется развивать технологии вживления чипов в мозг человека для передачи данных с внешних устройств» [4]. Не менее важной и технологически прорывной является отечественная программа «воссоздания снов», позволяющая восстановить состояние здоровья пациентов после инсульта или коронавируса.

В 2019 г. Совет Организации экономического сотрудничества и развития принял Рекомендацию по ответственным инновациям в области нейротехнологий, в которой был установлен стандарт в области управления нейротехнологиями. В данном источнике речь идет об ответственном управлении со стороны прежде всего участников «нейротехнологической индустрии», однако есть и положения о «нейроправах», а именно о «психической конфиденциальности» и «когнитивной свободе». Совет Европы также приступил к реализации пятилетнего Стратегического плана действий (*Strategic Action Plan 2020–2025*), который направлен на защиту прав человека и развитие технологий в сфере биомедицины [42].

Отдельно необходимо рассмотреть действующие инициативы ООН и ее специализированных учреждений (прежде всего ЮНЕСКО), нацеленные на защиту «нейроправ».

Впервые вопрос о «нейроправах» и их реализации в ООН был затронут в 2021 г., когда Гене-

ральный секретарь ООН А. Гутерриш опубликовал доклад «Наша общая повестка дня» и призвал все международное сообщество более эффективно реализовывать Цели в области устойчивого развития (далее — ЦУР 2015–2030) посредством предотвращения вреда в цифровом или технологическом пространстве, включая нейротехнологии [42].

В отличие от кибернетического пространства, цифровых технологий, искусственного интеллекта (далее — ИИ) нейротехнологии напрямую взаимодействуют с человеческим мозгом; могут напрямую картировать и изменять его деятельность.

Так, фонд *NeuroRights* в докладе 2022 г. приводит два базовых интерфейса, позволяющих нейротехнологиям взаимодействовать с человеком: 1) интерфейс «мозг — компьютер» (далее — ИМК) и 2) интерфейс «мозг — устройство» (далее — ИМУ) [36]. Интерфейс «мозг — компьютер» потенциально может обеспечить тяжело больного человека возможностью общаться. Подобный эксперимент был проведен с парализованным человеком, который использовал ИМК для общения. Общая скорость составила 18 слов (90 символов) в минуту с точностью до 99%. ИМК может быть как инвазивным (внедряться в мозг человека с помощью чипа), так и неинвазивным (нехирургическим), например с использованием шлема. Инвазивные ИМК — это кохлеарные имплантаты; глубокие стимуляторы мозга, которые используются для лечения болезни Паркинсона; мозговые имплантаты, с помощью которых человек без конечностей получает возможность повысить чувствительность через протезы; мозговые чипы для лечения людей с амиотрофическим склерозом (*Amyotrophic Lateral Sclerosis*, далее — *ALS*) [36]. Неинвазивные ИМК — это шлемы, очки, браслеты и повязки на голову, которые могут считывать активность мозга и (или) периферической нервной системы посредством соприкосновения с головой или телом человека. Например, компания *Kernel* запустила в 2020 г. шлем *Flow*, позволяющий отображать в реальном времени активность мозга с беспрецедентной точностью [48].

В ряде государств (например, в Китае) неинвазивные ИМК используются для расшифровки эмоций работников; затем данные поступают в алгоритмы ИИ, а в дальнейшем информация об эмоциональном состоянии сотрудников используется для контроля за производительностью труда.

Все перечисленные выше примеры свидетельствуют о том, что нейротехнологии развиваются столь стремительно, что международное сообщество (так же, как и в случае с кибернетическим пространством) не успевает «отреагировать» на возможные нарушения норм международного права.

Сотрудничество государств на региональном уровне опережает сотрудничество на глобальном уровне, т.е. на уровне ООН, однако в данном случае промедление с принятием норм «мягкого права» может привести к неопределимому ущербу, наносимому человеческому мозгу. Как и в случае с кибернетическим пространством, крупнейшие IT-компании и иные разработчики нейротехнологий могут воспользоваться недостаточностью правового регулирования и отсутствием консенсуса и начать диктовать свои условия использования устройств.

При детальном анализе упомянутых ранее Тшванских принципов, американской и китайской инициатив *BRAIN*, руководящих принципов нейроэтики *NIH* можно обнаружить отсутствие ссылок на обязанности государств по контролю за нейротехнологиями, на ответственность государства, на дополнительные гарантии прав человека.

Нередко при проведении научной дискуссии о «нейроправах» встречается точка зрения, согласно которой все данные вопросы можно регулировать с использованием других документов ООН, например Принципов медицинской этики 1982 г. (далее — Принципы). В Принципах затрагиваются вопросы роли медицинского персонала, в частности врачей, в защите заключенных и задержанных лиц от унижающего достоинства видов обращения и наказания. Однако в данном документе нет конкретики относительно неправомерного использования нейротехнологий и не затрагиваются вопросы о «нейроправах».

Отдельно следует проанализировать текущие инициативы ООН и ЮНЕСКО, затрагивающие правовую и этическую составляющие использования нейротехнологий. В апреле 2024 г. ЮНЕСКО при участии 24 международных экспертов, входивших в экспертную группу (*AHEG, ad hoc expert group*), был создан Рабочий документ по подготовке проекта Рекомендаций по этике нейротехнологий (*Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology*) (далее — Рабочий документ) [45].

Примечательно, что в данном документе был представлен детальный анализ проблем использования нейротехнологий именно в контексте защиты прав человека.

Под нейротехнологиями в Рабочем документе подразумеваются «... инструменты, позволяющие наблюдать, регистрировать и интерпретировать структуру и активность мозга (посредством, например, резонансной магнитной томографии, электроэнцефалографии) или же напрямую воздействовать на ЦНС и модулировать активность мозга (посредством механизма глубокой стимуляции мозга и т.д.)».

В Рабочем документе приведены примеры трех категорий рисков использования нейротехнологий: 1) сложность контроля за их использованием; 2) риск «инфляции прав человека», о котором говорилось выше; 3) риск чрезмерного, необоснованного регулирования данной сферы.

Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО (*International Bioethics Committee UNESCO*) предложил также обратить внимание на следующие аспекты «нейроправ»: 1) возможность увеличения дискриминации в отношении использующих их лиц; 2) ненадлежащее использование нейротехнологий (например, при обращении с персональными данными лица или вследствие совершения хакерских атак); 3) «изменение» или «усиление» психики (в данном случае речь идет об использовании подобного рода технологий для «модификации» психики человека; 4) использование нейротехнологий в отношении несовершеннолетних, которые в международном праве относятся к категории особо уязвимых лиц; 5) проблема получения информированного согласия на применение процедур с использованием нейротехнологий.

Важно отметить, что в Рабочем документе была представлена классификация использования нейротехнологий в зависимости от конкретной сферы общественной жизни: 1) медицина и здоровье; 2) научные исследования; 3) образование; 4) правосудие и право; 5) военная сфера (например, для лечения посттравматического расстройства (*Post-traumatic stress disorder, PTSD*)); 6) работа (контроль за трудовой деятельностью сотрудников); 7) развлечения (использование в немедицинских целях).

Попытка содействовать международному переговорному процессу по нейротехнологиям была сделана США в 2023 г., в результате чего была принята Межамериканская декларация принципов, касающихся нейронаук, нейротехнологий и прав человека (*Inter-American Declaration on Neurosciences, Neurotechnologies, and Human Rights* [28]).

Примечательно, что в данной декларации содержатся десять «нейропринципов» и пояснения к ним. Во избежание дублирования некоторых тезисов доклада Рабочей группы перечислю лишь некоторые принципы.

Принцип 2: «Защита прав человека при разработке нейротехнологий, предполагающая всестороннюю оценку риска разработки и их использования».

Принцип 4: «Выраженное и информированное согласие в отношении нейронных данных, которое должно быть свободным, однозначным, понятным и может быть отозвано в любой момент».

Принцип 6: «Исключительно терапевтическое использование для улучшения когнитивных способностей».

Принцип 7: «Нейрокогнитивная целостность, предполагающая защиту от насильственного изменения сознания лица».

Вопрос о так называемом терапевтическом использовании лекарственных препаратов, улучшающих работу головного мозга, активно обсуждается в тех странах, где применение ноотропиков (препаратов для улучшения когнитивных способностей) разрешено в том числе для несовершеннолетних. Так, в США в 2009 г. было проведено исследование, согласно результатам которого 62% обучающихся в школах уже использовали препараты для стимуляции мозга в целях повышения продуктивности, которые можно приобрести без специального назначения врача [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе международно-правового регулирования «нейроправ» следует попытаться ответить на вопрос: каким может быть документ “*soft law*”, регулирующий «нейроправа»?

Автор солидарна с точкой зрения, высказанной К. Бублицем, который полагает, что любой документ по «нейроправам» сначала будет носить лишь рекомендательный характер. Он может быть принят либо в форме рекомендации ЮНЕСКО, либо в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Гибкость документа позволит расширить его действие в том числе на несубъектов международного права, например на компании, использующие нейротехнологии», или на физических лиц.

Успешным примером подобного нормотворчества может служить Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая ЮНЕСКО в 2021 г. В тексте документа указано: «Настоящая рекомендация не преследует цели предложить единственно возможное определение искусственного интеллекта, поскольку с течением времени и по мере развития технологий такое определение потребовало бы внесения изменений».

Не менее важным вопросом при разработке документа выступает корректное определение объекта. На защиту каких благ может быть направлена резолюция Генассамблеи ООН или рекомендация ЮНЕСКО? К. Бублиц предлагает простую, но неоднозначную формулировку объекта — это «субъективность лица», т.е. его «внутреннее состояние». Данный тезис не следует воспринимать как лишенный научности, поскольку нейротехнологии «рассматривают» человеческий мозг (т.е. его «субъективную часть») в качестве объекта, на который они воздействуют.

Что же касается проблемы адаптации или реконцептуализации действующих, общепризнанных источников международного права, регулирующих

права человека, то в будущем документе по «нейроправам» следует закрепить положение об их безусловной применимости. Например, во Всеобщей декларации прав человека в ст. 18 и ст. 19 предусматривается право человека на «свободу мысли», а также на «свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами...». Возможно, в будущем документе следует указать на реконцептуализацию этих прав применительно к нейротехнологиям. Например, определить, при каких обстоятельствах их применение приведет к нарушению права на свободу мысли.

Следует отметить, что вопрос о «нейроправах» должен обсуждаться прежде всего на глобальном уровне. Сложившаяся практика разработки документов исключительно на региональном уровне, как в случае с определением режима кибернетического пространства, привела к параллельному существованию различных документов (резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, стандартов, рекомендаций, хартий и т.д.), которые противоречат друг другу как с точки зрения терминологического аппарата, так и с точки зрения правового регулирования.

Для того чтобы сделать диалог возможно более широким и открытым, необходимо обратиться к опыту ООН и ЮНЕСКО, принимая во внимание опыт разработки документов на региональном и национальном уровнях. Переговорный процесс может быть начат в рамках ООН через Управление Верховного комиссара по правам человека, Комитет ЮНЕСКО по биоэтике, а также посредством привлечения специализированных организаций по данной проблематике (например, фонда *NeuroRights*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Американская конвенция по правам человека, 1969 г. — URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instrree/Rzoas3con.html> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Всеобщая декларация прав человека, 1948 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
4. «Коммерсантъ» узнал о разработке проекта по вживлению чипов в мозг человека. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/06/22/875041-proekta-vzhivleniyu-chipov-mozg> (дата обращения: 12.06.2024).
5. Конвенция о правах инвалидов, 2006 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
6. Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
7. Хартия Европейского союза об основных правах, 2000 г. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 12.06.2024).
8. Чили: на шаг впереди в деле защиты «нейроправ». — URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vpered-v-dele-zaschity-neyroprav> (дата обращения: 12.06.2024).
9. Danel'yan A.A., Gulyaeva E.E. Global'naya bezopasnost' i mezhdunarodnoe parvo [Global security and international law]. М.: Kvant Media, 2023.
- Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Глобальная безопасность и международное право. М.: Квант Медиа
10. Abood v. Detroit Board of Education, 431 U.S. 209 (1977). — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/431/209/> (дата обращения: 12.06.2024).
11. Advent of "Smart Drugs" Raises Safety, Ethical Concerns. — URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/advent-of-smart-drugs-raises-safety-ethical-concerns/2012/10> (дата обращения: 12.06.2024).
12. Alston P. Conjuring up new human rights: a proposal for quality control // The American Journal of International Law. 1984. Vol. 78, No 3. P. 607–621.
13. Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. The International Journal of Human Rights, 2024. Vol. 28, iss. 5. P. 782–807.
14. Bublitz C. (2023) What an International Declaration on Neurotechnologies and Human Rights Could Look Like: Ideas, Suggestions, Desiderata. AJOB Neuroscience, vol. 15 (2), P. 96–112.
15. Bury J.B. A History of Freedom of Thought. N.Y.: Cosimo Classics, 2005.
16. Collins R.F., Harrington D.J. First Corinthians. MN: Liturgical Press, 1999.
17. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

18. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas, 2021. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
19. Dresler M. et al. Hacking the Brain: Dimensions of Cognitive Enhancement // ACS Chemical Neuroscience. 2018. Vol. 10, No 3. P. 1137–1148.
20. ECtHR Caruana vs. Malta (application no 41079/16), 26 para: “In particular the respect for private life as protected by Article 8 involves respect for a person’s physical integrity and the taking of a blood and saliva sample constitute a compulsory medical intervention which, even if it is of minor importance, must consequently be considered as an interference with the right to privacy...” — URL: <file:///Users/dashastodina/Downloads/CARUANA%20v.%20MALTA.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).
21. ECtHR Y.F. v. Turkey (Application No 24209/94). — URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/resources/Y.F.%20v.%20TURKEY_en.asp (дата обращения: 12.06.2024).
22. España Digital 2025. — URL: <https://avancedigital.mineco.gob.es/programas-avance-digital/Paginas/espana-digital-2025.aspx> (дата обращения: 12.06.2024).
23. Golden J.M. Redundancy: when law repeats itself // Texas Law Review. 2016. Vol. 94. P. 629–711.
24. Global Neurotechnology Market Outlook, Expert Market Research, May 25, 2021. — URL: <https://expertmarketresearch-emr.blogspot.com/2021/05/global-human-augmentation-market-is.html> (дата обращения: 12.06.2024).
25. IACtHR V.R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua, 2018. — URL: <https://iachr.ils.edu/node/321> (дата обращения: 12.06.2024).
26. IEEE Neuroethics Framework. — URL: <https://brain.ieee.org/publications/ieee-neuroethics-framework/> (дата обращения: 12.06.2024).
27. Ienca M. On Neurorights. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2021. Vol. 15. P. 1–11.
28. Ienca M., Adorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13:5. P. 1–27.
29. International Neuroethics Society. — URL: <https://www.neuroethicssociety.org/> (дата обращения: 12.06.2024).
30. Knox J. Horizontal human rights law // *American Journal of International Law*. 2007. Vol. 102. P. 1–47.
31. Long A.A. *Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life*. Oxford: Clarendon Press, 2004
32. Luzzatti L. *God in Freedom: Studies in the Relations Between Church and State*. New York: Cosimo Classics, Illustrated Edition, 2006.
33. Mostajo-Radji M.A. A Latin American Perspective on Neurodiplomacy // *Frontiers in Medical Technology*. 2023. Vol. 4, P. 1–10.
34. Muñoz J.M., Marinero Á. Neurorights as reconceptualized human rights // *Frontiers in Political Science*. 2023. Vol. 5. P. 1–5.
35. *Neurodiritti, menti e potere*. — URL: <https://www.thegoodlifeitalia.com/neurodiritti-menti-e-potere/> (дата обращения: 12.06.2024).
36. NeuroRights Foundation, Report 2022. — URL: <https://neurorightsfoundation.org/reports> (дата обращения: 12.06.2024).
37. Neurotechnology for National Defense: The U.S. and China, The Cipher Brief, July 1, 2021. — URL: (дата обращения: 12.06.2024).
38. Nickel J., Pogge T., Smith M., Wenar L. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* // Human Rights. Stanford University, 2003.
39. NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative. — URL: <https://braininitiative.nih.gov/research/neuroethics> (дата обращения: 12.06.2024).
40. OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457> (дата обращения: 12.06.2024).
41. Our Common Agenda. — URL: <https://www.un.org/en/common-agenda> (дата обращения: 12.06.2024).
42. Strategic Action Plan on Human Rights and Technologies in Biomedicine 2020–2025. — URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/strategic-action-plan> (дата обращения: 12.06.2024).
43. Tasiolvas J. Saving human rights from human from human rights law // *Vanderbilt Law Review*. 2021. Vol. 52, iss. 5. P. 1167–1208.
44. The Tshwane Principles on National Security and the Right to Information. — URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/tshwane-principles-national-security-and-right-information-overview-15-points> (дата обращения: 12.06.2024).
45. Towards a draft text of a Recommendation on the Ethics of Neurotechnology: working document. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389438> (дата обращения: 12.06.2024).
46. United Nations Human Rights Committee, 1993 «General Comment No 22: The Right to Freedom of Thought, Conscience and Religion», UN Doc. CCPR/C/21/Rev. 1/Add.4. — URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375> (дата обращения: 12.06.2024).
47. Warren S.D., Brandeis L. The Right to Privacy // *Harvard Law Review*. 1890. Vol. 4 (5). P. 193–220.
48. Worldwide Campaign for Neurorights Notches its First Win. — URL: <https://spectrum.ieee.org/neurotech-neurorights> (дата обращения: 12.06.2024).

49. Yuste R., Goering S. et al. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI. *Nature*. 2017. Vol. 551, P. 159–163.

REFERENCES

1. Amerikanskaya konvenciya po pravam cheloveka, 1969. — URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, 1948. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
3. Vseobshchaya deklaraciya o bioetike i pravah cheloveka, prinyata rezolyuciej General'noj konferencii YUNESKO po dokladu Komissii III na 18-m plenarnom zasedanii 19 oktyabrya 2005. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
4. "Kommersant" uznal o razrabotke proekta po vzhivleniyu chipov v mozg cheloveka. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/06/22/875041-proekta-vzhivleniyu-chipov-mozg> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
5. Konvenciya o pravah invalidov, 2006. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
6. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah, 1966. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
7. Хартия Европейского союза об основных правах, 2000. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
8. Чили: на шаг впереди в деле защиты «нейроправ». — URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vpered-v-dele-zaschity-neyroprav> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
9. Danel'yan A.A., Gulyaeva E.E. *Global'naya bezopasnost' i mezhdunarodnoe parvo*. M.: Kvant Media, 2023.
10. *Abood v. Detroit Board of Education*, 431 U.S. 209 (1977). — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/431/209/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
11. *Advent of "Smart Drugs" Raises Safety, Ethical Concerns*. — URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/advent-of-smart-drugs-raises-safety-ethical-concerns/2012/10> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
12. *Alston P. Conjuring up new human rights: a proposal for quality control* // *The American Journal of International Law*. 1984. Vol. 78, No 3. P. 607–621.
13. *Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person*. *The International Journal of Human Rights* / 2024. Vol. 28, iss. 5. P. 782–807.
14. *Bublitz C. What an International Declaration on Neurotechnologies and Human Rights Could Look Like: Ideas, Suggestions, Desiderata* // *AJOB Neuroscience*. 2023. Vol. 15 (2). P. 96–112.
15. *Bury J.B. A History of Freedom of Thought*. NY: Cosimo Classics, 2005.
16. *Collins R.F., Harrington D.J. First Corinthians*. Liturgical Press, 1999.
17. *Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas*. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2024).
18. *Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas, 2021*. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2024).
19. *Dresler M. et al. Hacking the Brain: Dimensions of Cognitive Enhancement*. *ACS Chemical Neuroscience*. 2018 / Vol. 10, No 3. P. 1137–1148.
20. *ECtHR Caruana vs. Malta* (application no 41079/16), 26 para: "In particular the respect for private life as protected by Article 8 involves respect for a person's physical integrity and the taking of a blood and saliva sample constitute a compulsory medical intervention which, even if it is of minor importance, must consequently be considered as an interference with the right to privacy..." — URL: <file:///Users/dashastodina/Downloads/CARUANA%20v.%20MALTA.pdf> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
21. *ECtHR Y.F. v. Turkey* (Application No 24209/94). — URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/resources/Y.F.%20v.%20TURKEY_en.asp (data obrashcheniya: 12.06.2024).
22. *España Digital 2025*. — URL: <https://avancedigital.mineco.gob.es/programas-avance-digital/Paginas/espana-digital-2025.aspx> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
23. *Golden J.M. Redundancy: when law repeats itself* // *Texas Law Review*. 2016. Vol. 94. P. 629–711.
24. *Global Neurotechnology Market Outlook, Expert Market Research, May 25, 2021*. — URL: <https://expertmarketresearch-emr.blogspot.com/2021/05/global-human-augmentation-market-is.html> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
25. *IACtHR V.R.P., V.P.C. et. al. v. Nicaragua, 2018*. — URL: <https://iachr.ils.edu/node/321> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

26. *IEEE Neuroethics Framework*. — URL: <https://brain.ieee.org/publications/ieee-neuroethics-framework/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
27. *Ienca M.* On Neurorights. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2021. Vol. 15. P. 1_11.
28. *Ienca M., Adorno R.* Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13:5. P. 1–27.
29. *International Neuroethics Society*. — URL: <https://www.neuroethicssociety.org/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
30. *Knox J.* Horizontal human rights law // *American Journal of International Law*. 2007. Vol. 102. P. 1–47.
31. *Long A.A.* *Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life*. Oxford: Clarendon Press, 2004.
32. *Luzzatti L.* *God in Freedom: Studies in the Relations Between Church and State*. Cosimo Classics, Illustrated Edition, 2006.
33. *Mostajo-Radji M.A.* A Latin American Perspective on Neurodiplomacy // *Frontiers in Medical Technology*. 2023. Vol. 4. P. 1–10.
34. *Muñoz J.M., Marinero Á.* Neurorights as reconceptualized human rights // *Frontiers in Political Science*. 2023. Vol. 5. P. 1–5.
35. *Neurodiritti, menti e potere*. — URL: <https://www.thegoodlifeitalia.com/neurodiritti-menti-e-potere/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
36. *NeuroRights Foundation, Report 2022*. — URL: <https://neurorightsfoundation.org/reports> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
37. *Neurotechnology for National Defense: The U.S. and China*, The Cipher Brief, July 1, 2021. — URL: https://www.thecipherbrief.com/column_article/neurotechnology-for-national-defense-the-u-s-and-china (data obrashcheniya: 12.06.2024).
38. *Nickel J., Pogge T., Smith M., Wenar L.* *Stanford Encyclopedia of Philosophy, Human Rights*. Stanford University, 2003.
39. *NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative*. — URL: <https://braininitiative.nih.gov/research/neuroethics> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
40. *OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology*. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
41. *Our Common Agenda*. — URL: <https://www.un.org/en/common-agenda> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
42. *Strategic Action Plan on Human Rights and Technologies in Biomedicine 2020–2025*. — URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/strategic-action-plan> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
43. *Tasiolvas J.* Saving human rights from human from human rights law // *Vanderbilt Law Review*. 2021. Vol. 52, iss. 5. P. 1167–1208.
44. *The Tshwane Principles on National Security and the Right to Information*. — URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/tshwane-principles-national-security-and-right-information-overview-15-points> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
45. *Towards a draft text of a Recommendation on the Ethics of Neurotechnology: working document*. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389438> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
46. *United Nations Human Rights Committee, 1993 “General Comment No22: The Right to Freedom of Thought, Conscience and Religion”, UN Doc. CCPR/C/21/Rev. 1/Add.4*. — URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
47. *Warren S.D., Brandeis L.* *The Right to Privacy* // *Harvard Law Review*, 1890. Vol. 4 (5). P. 193–220.
48. *Worldwide Campaign for Neurorights Notches its First Win*. — URL: <https://spectrum.ieee.org/neurotech-neurorights> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
49. *Yuste R., Goering S et al.* Four ethical priorities for neurotechnologies and AI // *Nature*. 2017. Vol. 551. P. 159–163.